

Е. А. Верещака

**ТРАДИЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КРАСНОГО МУХОМОРА
(По этнографическим материалам
чукчей, коряков, ительменов)**

Галлюциногенные вещества являются неотъемлемой частью культур многих традиционных обществ. Их использование было зафиксировано во всех частях света земного шара. Жители Северо-Восточной Сибири (чукчи, коряки, ительмены, юкагиры, чуванцы) также давно были знакомы со специфическими свойствами единственного психотропного вещества, произрастающего на данной территории, — красного мухомора, или *amanita muscaria*, и использовали его для достижения состояния измененного сознания.

Потребление мухоморов коренным населением Северо-Восточной Сибири фиксируется во многих этнографических описаниях XVIII — начала XX в. [Богораз 1991: 139–141; Георги 1799: 55, 61, 72, 74–76; Дьячков 1893: 114–118; Елистратов 1978: 170, Иохельсон 1997: 113–114; Крашенинников 1949: 393–395, 413–432, 693–695, 726–734, Линденау 1983: 125; Майдель 1894: 246–247; Мерк 1978: 92; Колониальная политика 1935: 182]. Открытие петроглифов Пегтымеля на Чукотке в 1965 г. позволило сделать вывод о том, что история применения галлюциногенных грибов уходит в более далекие времена [Диков 1971: 36–50]. В советский период об этой традиции писали редко и в прошедшем времени (см., например: [Диков 1971]). Однако, как показывает полевая работа современных исследователей [Батьянова 1999: 69–81; Головнев 2000б: 185–188; Диксон 2008; Yamin-Pasternak 2012], люди продолжают употреблять мухоморы, и, так же как и прежде, этот гриб наделяется таинственной и магической силой. Таким образом, в отличие от представлений о «съедобных» грибах

и практик их использования, которые за последние семьдесят лет претерпели значительные трансформации [Yamin-Pasternak 2014], отношение к красным мухоморам в XX столетии кардинально не изменилось.

Искусство потребления мухоморов

Фармакологи выделяют три основные группы психотропных средств: 1) вещества и средства с возбуждающим действием (кокаин, кофеин, «экстази» и т.д.); 2) вещества и средства, угнетающие нервную систему, куда, в частности, относятся препараты опиоидной группы; 3) вещества и средства с галлюциногенными свойствами. К последней группе, помимо определенных сортов грибов (среди которых и *amanita muscaria*), относятся также гашиш, марихуана, ЛСД, мескалин и т.д. [Сердюкова 2000: 19–20]. В данной классификации наркотические вещества, вызывающие схожие эффекты, объединяются в одну категорию. Потребление веществ третьей группы приводит к нарушению восприятия пространства, освещенности и размеров объектов, цвета, интенсивности и характера звуков и шумов, времени, схемы собственного тела. Происходит расстройство сознания. Меняется характер мышления, которое приобретает эмоциональное содержание и с углублением интоксикации — черты бессвязности. Кроме того, на определенном этапе «опьянения» наркотизируемый испытывает возбужденное состояние. Как отмечал еще казак Кузнецкий в XVIII в., чукчи, съев мухомор, «сделаются без ума: бегают и скачут» [Колониальная политика 1935: 182].

Однако действие красного мухомора на организм человека имеет определенные особенности по сравнению с другими галлюциногенами: этот гриб содержит не только вещества галлюциногенной природы, такие как мусцимол, иботеновая кислота, но и более десяти других ядовитых веществ. Наиболее сильными токсинами являются мускарин и мускаринин, действующие на вегетативную нервную систему и, соответственно, вызывающие тошноту, рвоту, боли в животе, слезотечение, одышку, обильное пото- и слюноотделение, изменение размеров зрачков (их расширение). При более тяжелых формах отравления появляются по-

нос, судороги, общая слабость, нарушение сердечного ритма, что может привести к летальному исходу, хотя такое случается крайне редко и экспериментально летальная доза красного мухомора не установлена [Вишневский 2001: 57; Орлов 1953: 42].

Коренное население Северо-Восточной Сибири уже к концу XVIII в. (а скорее всего, и раньше)¹ было знакомо с особенностями воздействия красного мухомора на организм и выработало наиболее приемлемые для них способы его употребления и дозировку. Грибы могли сушить [Богораз 1991: 139–140], подолгу рассасывать во рту [Иохельсон 1997: 114], вымачивать (как сушеные, так и свежие грибы) [Архив МАЭ: 2; Крашенинников 1949: 395, 427–428], варить (также сушеные и свежие мухоморы) [Архив МАЭ: 2; Георги 1799: 75; Дьячков 1893: 115], смешивать с другой пищей [Дьячков 1893: 115; Линденау 1983: 125]. При варке или вымачивании в теплой воде ее выпивали, а гриб съедали [Архив МАЭ: 2]. Существовал своеобразный способ наркотизации в виде питья мочи человека, недавно поевшего галлюциногенных грибов [Богораз 1991: 142; Иохельсон 1997: 114]. Дело в том, что действующие вещества мухомора почти не расщепляются в организме и выводятся из него в растворенном виде, поэтому моча остается почти столь же токсичной, как и сами грибы. Обработанные вышеописанными способами мухоморы менее токсичны (речь идет не о галлюциногенных веществах, а об отравляющих) и поэтому безопаснее для организма человека. В. И. Иохельсон писал, что, по представлениям коряков, свежий мухомор убивает, для чего достаточно трех свежих грибов. Хотя существуют свидетельства употребления мухомора в сыром виде [Дьячков 1893: 115; Мерк 1978: 92], обобщая имеющиеся описания, можно говорить, что такой способ встречался нечасто.

Средней дозой являлись три сушеных мухомора [Богораз 1991: 139–140], хотя их количество могло сильно варьировать. Чукча Тынагыргын, например, говорил В. Г. Кузнецовой, что «по-

¹ К XVIII в. относятся первые письменные описания использования красного мухомора. Однако наскальные рисунки Пегтмыеля, которые, по мнению Н. Н. Дикова, были созданы в период с I тыс. до н.э. по конец I тыс. н.э., свидетельствуют о длительной истории бытования традиции [Диков 1971: 36–50].

ловина мухомора достаточна для опьянения одного человека на сутки» [Архив МАЭ: 2]. А некоторым чукчам было недостаточно и трех штук для получения какого-либо эффекта [Богораз 1991: 140]. Отсутствие жесткой регламентации связано с тем, что действие *amanita muscaria* во многом зависит от организма самого потребителя (пол, возраст, физиологические особенности, психологическое состояние, настрой), а также от почвенных и сезонных условий (то есть грибы, собранные в разные периоды года или в разных местностях, будут обладать и разными токсичными и галлюциногенными свойствами). Поэтому чукчи съедали по три гриба и, если им было недостаточно, еще подбавляли до тех пор, пока «не охмелеют» [Дьячков 1893: 115]. Можно сказать, что три сушеных мухомора — это своего рода порог безопасности, пробная доза, и люди знали, что ее увеличение сопряжено с нежелательными последствиями. Максимум потребляемых за один раз мухоморов составлял 10 штук [Иохельсон 1997: 114; Крашенинников 1949: 429; Линденау 1983: 125]. Таким образом, человек, решивший поесть мухоморов, для определения дозировки руководствовался, во-первых, физическими возможностями своего организма, во-вторых, интоксикационными свойствами употребляемых в данный момент мухоморов и, в-третьих, установкой на получение определенной степени «опьянения», которая зависела от целей потребления грибов, о чем будет сказано более подробно.

Люди-мухоморы

В действительности искусство потребления мухоморов заключается не только в применении практических знаний об этом веществе, но и в правильном соблюдении многочисленных ритуальных предписаний, которые, кстати, никогда не были едиными, а могли значительно отличаться в разных локальных группах. Подробное описание «мухоморного кодекса» было сделано Е. П. Батьяновой [Батьянова 1999: 76–79], а затем и О. Диксоном [Диксон 2008]. Мухомор необходимо собирать, готовить и съедать в соответствии с установленными правилами. Например, некоторые чукчи считают, что мухомор нужно не срезать

ножом или срывать, а аккуратно выкапывать, не жевать, а глотать целиком, не запивая водой [Головнев 2000а]. Запреты и предписания связаны с представлением о мухоморах как живых существах, обитающих в нижнем мире и приходящих к отведавшему их человеку, по свидетельству В. Г. Богораза, в количестве, равном числу съеденных грибов [Богораз 1939: 5].

Мухоморы обладают большой сверхъестественной силой. Например, чукчи рассказывали, что когда несколько человек поедят мухоморов, то они пьянеют в разной степени, а некоторые вообще остаются трезвыми. Но спустя какое-то время пьяные могут протрезветь, а бывшие трезвыми, наоборот, начать чувствовать действие гриба. Такие ситуации были следствием индивидуальных физических и психологических особенностей людей. Другими словами, кто-то поддается интоксикации быстрее, а кто-то медленнее. Сами же чукчи объясняли это необычайной силой мухомора, который мог «выйти из одного пьяного человека и перейти в другого, менее пьяного» [Дьячков 1893: 116].

Люди беспрекословно подчиняются духам-мухоморам и выполняют все их повеления, какими бы безумными они ни были. В. Г. Богораз рассказывает об одном «одурманенном», «которому было приказано духами лежать среди своей собачьей упряжки. И, несмотря на то, что его собаки чуть не растерзали, его никак нельзя было заставить сойти с места. Так он и оставался всю ночь» [Богораз 1991: 141]. Такое покорное поведение связано с тем, что в представлениях чукчей человек, принявший мухомор, полностью находится в его власти; вапак «волен его возвратить на сей свет или свергнуть в бездну ада» [Дьячков 1893: 114].

Придя к человеку, духи-мухоморы забирают его и водят по другим мирам, показывают страну, где живут мертвые. В чукотской сказке «Ложная добровольная смерть» говорится, что сведения о мире мертвых люди узнают от вернувшихся с того света «мухомороедов» [Богораз 1900: 54–55]. Но «путешествовать» с духами-мухоморами не безопасно. Их дороги многочисленны и очень извилисты, в них можно заблудиться и не найти путь домой, навсегда оставшись в «мертвом племени» [Богораз 1939: 5]. Но тот, кто возвращается, может потом вспоминать и рассказы-

вать другим о своих удивительных переживаниях и ярких видениях. Так, дед Наталько охотно делился своим давним опытом принятия мухоморов во время праздника. Он вспоминал, как ему пришлось пройти по множеству мухоморных дорог, через разные круги покойников, в том числе «светившихся», то есть сгоревших, которые стояли так плотно друг к другу, что едва можно было протиснуться между ними. Наталько рисковал никогда не вернуться оттуда, и только когда ему сказали, какую песню нужно петь, он смог найти путь домой [Головнев 2000a]. В этой связи можно вспомнить ительменскую сказку «Челкутх и девушки-мухоморы» [Сказки 1974: 558–560]. В ней повествуется о том, как веселые девушки-мухоморы увлекают героя сказки и уводят с собой. В их мире он забывает о жене и детях. Наступает зима, а с ней и голодное время. Тогда Челкутх возвращается к жене, а увлекшие его мухоморы засыхают в лесу. Любопытно, что среди пегтымельских петроглифов есть парные изображения антропоморфных мухоморов и держащих их за руку обычных людей. «Не исключено, что перед нами подлинные, дошедшие из глубины веков картины, рисующие увод мухоморами живых людей» в другие миры [Диков 1971: 26].

Помимо того что к человеку после употребления галлюциногенов приходят духи-мухоморы, он как бы и сам превращается в гриб. Уже упомянутый дед Наталько из фильма А. В. Головнева «Пегтымель», рассказывая о своих мухоморных видениях, отметил, что их видел не он сам, а мухомор [Головнев 2000a]. Некоторые чукчи даже старались изображать грибы. Например, В. Г. Богораз рассказывает, как один чукча, находясь под действием мухоморов, взял мешок и начал натягивать его на свою голову, пытаясь разорвать днище, — он это делал в подражание мухомору, который во время роста прорывает земную поверхность. Другой чукча втягивал шею и уверял, что не имеет головы [Богораз 1991: 140–141].

Таким образом, являясь частью пищевой культуры народов Северо-Восточной Сибири, красный мухомор стал также частью традиционного мировоззрения этих народов. Яркие галлюциногенные переживания требовали объяснения и отведения им осо-

бого места в системе мироздания, что и было сделано людьми с опорой на свой опыт, знания и художественно-образное воображение.

Мухомор: области применения и значение

Существуют различные мотивации, побуждающие людей к употреблению красного мухомора. Примечательно, что спектр этих мотиваций здесь гораздо шире, чем в других регионах Сибири, а именно — в Западной Сибири, где галлюциногенные грибы использовались исключительно в ходе шаманских действий и только самими шаманами или их «пациентами». Цели поедания мухоморов были прежде и остаются сегодня достаточно разнообразными. Во-первых, грибы используются в качестве тонизирующего средства перед охотой, выпасом оленей, длительными пешими переходами. [Богораз 1991: 140; Крашенинников 1949: 694; Батьянова 1999: 72]. И действительно, при умеренном употреблении красных мухоморов (в среднем до 3–4 шт.) не возникает никаких галлюцинаций, а также таких неблагоприятных эффектов, как тошнота и головокружение, но появляются телесная ловкость, сила, легкое возбуждение [Вишневецкий 2001: 57–58]. Будучи, с одной стороны, тонизирующим и взбадривающим средством, придающим физическую силу, с другой — действующим на центральную нервную систему галлюциногеном, снимающим тревогу и страх, мухомор был полезен и использовался прежде при ведении военных действий [Георги 1799: 72; Крашенинников 1949: 428]. Безусловно, данный гриб всегда являлся источником удовольствия, им вызывается «ощущение большого внутреннего довольства и счастья» [Майдель 1894: 247], что проистекает из его фармакологических особенностей. Потребление психоделиков приводит к возбуждению, стимулирует центральную нервную систему, вызывает состояние эйфории и радости, повышается возбудимость центров положительных эмоций. Поэтому галлюциногенные грибы для местных жителей до сих пор служат средством поднятия настроения и способом веселого времяпрепровождения [Батьянова 1999: 73]. Видимо, поэтому исследователи XVIII–XIX вв. уподобляли интоксикацию мухоморами

действию алкоголя, тем самым подчеркивая увеселительную составляющую «мухоморного пьянства». Например, С. П. Крашенинников писал, что коряжки «вина не сидят и сидеть не из чего не умеют, но вместо вина мухомор едят», или «едят они для пьянства мухомор-гриб» [Крашенинников 1949: 730]. И. Г. Георги отмечал, что юкагиры, ительмены, чукчи мухомор употребляют для «упоения» [Георги 1799: 55, 61, 75]. В 1787 г. один из членов северо-восточной географической экспедиции наблюдал у ительменов: «...вместо вина употребляют грибы красные, называемые мухоморами» [Елистратов 1978: 170]. Сегодня мухоморы широко применяются и в лечебных целях [Батьянова 1999: 72–73], хотя в этнографических описаниях XVIII–XIX вв. об этом не упоминается.

Несмотря на порой весьма утилитарные мотивации использования *amanita muscaria*, данное применение всегда сопряжено с взаимодействием с духами-мухоморами. Пожалуй, наиболее значимой целью поедания галлюциногенных грибов можно считать соприкосновение с «потусторонним миром», общение с духами-мухоморами. Грибы всегда могли использовать как шаманы для облегчения достижения вдохновенного состояния, так и обычные люди во время крупных праздников или в случае возникновения индивидуальных потребностей у человека в помощи мухомора. «Путешествие», то есть галлюцинацию, можно даже «заказать». Например, А. Е. Дьячков писал, что перед тем, как поест мухоморы, их отдавали «другому человеку, чтобы их разжевать зубами... и в это время тот, который разжевывал мухоморы, приговаривает их шепотом, чтобы они представляли то и то, и тогда тому, кто покушал грибы, представляется, что другой приговаривал» [Дьячков 1893: 118].

Таким образом, на Чукотке и Камчатке пробовать мухоморы могли не только шаманы, но и другие члены общества. Хотя определенные ограничения, безусловно, существовали, и о них нужно упомянуть. Во-первых, сама природа лимитирует жителей (особенно Чукотки) в употреблении мухоморов: произрастают они только в таежных областях и могут добываться в крайне ограниченных количествах. В. И. Иохельсон указывал на то, что чукчей

снабжают мухоморами коряки [Иохельсон 1997: 114]. В. Г. Богораз писал, что среди чукчей «только южные, живущие на тихоокеанской стороне, то есть по рекам Анадырю, Большой реке и Опуке, запасаются одурманивающими грибами» [Богораз 1991: 139]. Г. Майдель констатировал, что чукчи, с которыми ему приходилось иметь дело, «вовсе не были знакомы с этим зельем» [Майдель 1894: 247]. В. Г. Кузнецова, проводившая полевую работу в амгуэмской тундре, записала в одном из своих дневников, что красный мухомор не растет в этом районе Чукотки. Однако амгуэмские чукчи знали о данном грибе и его галлюциногенных свойствах. Исследовательнице даже удалось записать подробные описания способов его приготовления [Архив МАЭ: 2]. Видимо, мухомор мог появляться на Амгуэме благодаря обмену.

У дефицитности мухомора было весьма любопытное следствие: он являлся ценным и даже престижным товаром. «Мухомор... — угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних», — писал Я. И. Линденау о коряках [Линденау 1983: 125]. По свидетельству В. И. Иохельсона, некоторые коряки вели прибыльную торговлю мухоморами [Иохельсон 1997: 114]. Этот же автор отмечал, что «угостить гостя мухомором — значит оказать ему особенное уважение» [Там же]. Ф. Елистратов упомянул, что мухомор используется камчадалами при сватовстве: его преподносят отцу невесты [Елистратов 1978: 171].

Второе ограничение связано с тем, что при продолжительном использовании галлюциногенных грибов очень быстро развивается толерантность (невосприимчивость) организма к ним. Это значит, что доза, необходимая для достижения желаемого состояния, возрастает настолько быстро, что становится невозможным получить хоть какой-нибудь эффект [Сердюкова 2000: 42]. Для восстановления толерантности до нормального уровня необходимо прервать употребление мухоморов на какое-то время. Это снижает риск развития психологической или физической зависимости. Правда, говорить о «физической» зависимости не совсем уместно применительно к галлюциногенным грибам. Ведь потребление мухоморов не формирует абстинентный синдром — показатель сформировавшейся физической зависимости.

В-третьих, использование мухоморов ограничивается самим обществом. И. Г. Георги [Георги 1799: 61], В. И. Иохельсон [Иохельсон 1997: 114] и С. П. Крашенинников [Крашенинников 1949: 429] писали, что мухоморы едят только мужчины (исключение составляли женщины-шаманки), причем, как правило, преклонного возраста. Таким образом, лимитируется, по всей видимости, и поедание грибов молодыми людьми. Е. П. Батьянова упоминает случай, когда старик запретил одному человеку пробовать мухомор, объясняя это тем, что он не вернется из погружения [Батьянова 1999: 77]. Таким образом, данная традиция в определенной степени связана с половозрастной асимметрией в обществах Северо-Восточной Сибири.

Возвращаясь к вопросу об особом отношении к галлюциногенным веществам на Чукотке и Камчатке, необходимо вспомнить о своеобразии шаманизма народов этого региона. Это так называемое «семейное шаманство» [Богораз 1939: 105–116], характеризующееся отсутствием выраженной специализации и наличием как минимум двух категорий шаманствующих: собственно шаманы, специалисты достаточно высокого уровня, а также многочисленные их подражатели, не отличающиеся большим искусством в практикуемом ими ремесле, — шаманствующие лица. Часто провести грань между первыми и последними было довольно трудно даже для самих чукчей.

О сущности связи галлюциногенного транса и шаманизма уже была дискуссия в антропологической литературе. По мнению М. Элиаде, наркотическое опьянение не имеет подлинно шаманской основы, являясь «вульгарным заменителем чистого транса» [Элиаде 2000: 367], а грибы представляют собой «грубый и пассивный» способ вызывания экстатических переживаний [Там же: 214]. Лицо, входящее в контакт с духами подобным образом, является даже не шаманом, а «вдохновенным визионером» [Там же]. Интоксикация психотропными средствами — недавнее нововведение и знаменует собой определенный упадок шаманской техники [Там же: 368].

Такая концепция находится в оппозиции взглядам, которых придерживались Т. Маккенна и создатели этномикологии — суп-

руги Гордон и Валентина Уоссоны. Потребление психоактивных средств, в том числе красного мухомора, исследователи связывали прежде всего с шаманизмом. «Присутствие галлюциногена показывает, что шаманизм подлинен и жив; поздняя упадочническая фаза шаманизма характеризуется отработанными ритуалами, разного рода испытаниями и опорой на патологические личности. Там, где эти феномены являются главными, шаманизм явно на пути к тому, чтобы стать религией» [Маккенна 1995: 96].

Но вернемся к нашему этнографическому материалу, который проливает свет на характер связи между шаманизмом и галлюциногенным трансом. «Семейный шаманизм» отличался тем, что войти в контакт с миром духов и приобщиться к трансцендентному, используя различные шаманские техники, в принципе мог любой член общества (во всяком случае это касается мужчин). Поголовное использование красного мухомора заставляло некоторых исследователей говорить о распространенности бытовой наркомании среди аборигенов и таким образом сводить до минимума магические свойства галлюциногенного гриба. Полагаю, что у чукчей, коряков, ительменов обращение к потусторонним силам не являлось исключительной прерогативой отдельных личностей, а было доступно каждому, соответственно и красный мухомор был доступен значительной части общества. Галлюциногенные грибы давали возможность людям, не наделенным природой способностями, позволяющими овладеть «чистыми» техниками вхождения в состояние измененного сознания, все-таки испытать экстатический опыт, соприкоснуться с миром духов и таким образом уподобиться настоящему шаману, став шаманствующим лицом.

Употребление красного мухомора позволяло человеку выйти из обыденного жизненного измерения и погрузиться в неведомый, пугающий и одновременно вдохновляющий «иной мир». Следствием галлюциногенных переживаний в масштабах одной личности являлись выплеск накопившихся эмоций, телесное и душевное расслабление, переживание состояния радости,ходящей до эйфории, сексуального возбуждения, интенсивное познание окружающего мира и новых граней своих личных

духовных и физических возможностей. Такой опыт должен был благотворно сказываться на психологическом состоянии человека, отведавшего красный мухомор, а следовательно, и на психологической атмосфере коллектива в целом. Кроме того, положительное воздействие на внутригрупповые межличностные отношения локального сообщества имела практика коллективного поедания грибов (что в XVIII — начале XX в. являлось не редкостью): совместное испытание глубоких, ярких, насыщенных, разнообразных по своему характеру и эмоциональному окрасу состояний в конечном счете сплачивало людей, выводило их отношения на глубоко личностный уровень, делало их соучастниками некоего таинства. Таким образом, традиция использования красных мухоморов способствовала оптимизации жизни коллектива, снижению уровня напряженности, агрессивности и конфликтности в нем.

Источники

АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 354. Л. 2.

Библиография

Батьянова Е. П. Мухомор в лечебной и обрядовой практике народов Сибири // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: материалы междунар. конгресса. М., 1999.

Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

Богораз В. Г. Чукчи / авторизов. пер. с англ.: в 2 ч. Л., 1934. Ч. 1.

Богораз В. Г. Чукчи: Религия / авторизов. пер. с англ.: в 2 ч. Л., 1939. Ч. 2.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей / авторизов. пер. с англ. М., 1991.

Вишневецкий М. В. Несъедобные, ядовитые и галлюциногенные грибы: справочник-атлас. М., 2001.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: в 4 т. СПб., 1799. Т. 3.

Головнев А. В. Пегтымель. [Электронный ресурс] / Этнографический фильм. Екатеринбург, 2000а. DVD Video. Загл. с этикетки диска.

Головнев А. В. Пространственный эскиз петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этно-

графических исследований: сб. науч. тр. Владивосток; Омск, 2000б. С. 185–188.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.

Диксон О. Мистерии мухомора: применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М., 2008.

Дьячков А. Е. Анадырский край: рукопись жителя села Маркова // ЗОИАК. 1893. Т. 2.

Елистратов Ф. Дневная мемория геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе до реки Пенжины в последовании под команду титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 г. // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 166–172.

Иохельсон В. И. Коряки: материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: сб. архив. материалов. Л., 1935.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949.

Линденгау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.

Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг.: в 2 т. СПб., 1894. Т. 1.

Маккенна Т. Пища богов: Поиск первоначального древа познания. Радикальная история растений, психоактивных веществ и человеческой эволюции. М., 1995.

Мерк К. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 9–151.

Орлов Н. И. Съедобные и ядовитые грибы, грибные отравления и их профилактика. М.; Ростов н/Д, 2000.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки: азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены. М., 1974.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 2000.

Yamin-Pasternak S. An ethnomycological approach to land use values in Chukotka / erudite.org: Consortium Erudit. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.erudit.org/revue/etudinit/2007/v31/n1-2/019718ar.html> (дата обращения: 20.05.2014).

Yamin-Pasternak S. How the devils went deaf: ethnomycology, cuisine, and perception of landscape in the Russian North / learningace.com: Ace learning company. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.learningace.com/doc/2679164/f38c6b8595aa5712ea35a536334bae66/yamin-pasternak-dissertation-2007> (дата обращения: 20.05.2014).

Abstract

The article explores the wide-spread tradition in the North-Eastern Siberia — the use of red fly agaric as a hallucinogenic substance. The author reveals indigenous knowledge about red fly agaric, describes practices of eating of these mushrooms, presents views and beliefs connected with them, and determines possible situations and purposes of their consumption. Parallel to this the discussion about incorporation of this tradition to shamanism is opened.